

КАТЯ КАЧУР

Любимчик Эпохи

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Художественное оформление серии *Н. Портяной*

Качур, Катя.

К30 Любимчик эпохи : роман / Катя Качур. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-245653-4

Родиона любили за ум, красоту и способности. Его брата Илюшу — просто так.

От Родиона ждали поступков и ответственности. Илью хотели спасти, накормить, приласкать — пусть даже через минуту он уйдет не обернувшись.

Когда братья были детьми, случилось ужасное. Илью выкрала и несколько дней удерживала в квартире полоумная соседка, бабка по кличке Эпоха.

Потом Илюшу вернут домой, и жизнь пойдет своим чередом. А много лет спустя проявит себя непостижимая связь с безумной старухой из детства. И за тайну, которую не смогли похоронить ни время, ни огонь, придется расплатиться чьей-то жизнью.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245653-4

© Качур Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть 1

ГЛАВА 1

КРЕМАТОРИЙ

Очнулся я во время пафосной речи женщины в черном муаре. Она сидела за лаковым пианино, воздев подбородок к потолку и обнажив немолодую шею. В затылок ей, словно срываясь со скалы, вцепилась шляпка-таблетка с живой бордовой розой. Поставленный голос взлетал с низов до самых высоких нот за доли секунды. На вдохе она делала паузу и извлекала пальцами в крупных перстнях фрагмент «Аве Марии» из простуженного инструмента.

— Родион Гринвич был кристально честным и неподкупным человеком, настоящим знатоком своего дела, доктором от бога! Он был послан нам ангелами с неба...

Мне стало неуютно. Я вдруг увидел мэтра, принимающего экзамен в театральном вузе. Эта же дама, только отправленная обратной перемоткой на двадцать лет назад, стояла на сцене и читала Ахматову. От натужного трагизма в ее голосе становилось неловко, она будто отрывала слушателям заусенцы: вроде бы больно, но как-то по мелочи, быстрее бы замазать зеленкой и забыть.

— Кхе-кхе. Извините, вы нам не подходите.

Кто бы знал, что месть ее будет ужасной и она применит свои артистические способности в од-

ном из столичных крематориев. Здесь ее талант никто не оспаривал: более снисходительных и покладистых зрителей, готовых разрыдаться на каждом слове, вряд ли собирал самый раскрученный театр. Что ни день, то бенефис. Почившему недавно мэтру, кстати, пришлось-таки проехать через творческую церемонию неудавшейся актрисы в своем дорогом гробу на колесиках. Она узнала его и вновь прочла Ахматову. С еще большим надрывом. В буквальном смысле стора в печи от стыда, он понял, что Всевышний на него сердится, раз приготовил напоследок столь изощренное наказание.

Я, видимо, тоже накосячил. Церемониймейстер (так значилась ее должность в трудовой книжке) завывала на форте, озвучивая написанный собственной же рукой текст.

— Так давайте склоним головы над этим великим человеком, давайте пропоем ему песнь вечной признательности и скорби...

Я оглядел зал. Точка моего зрения была несколько иной, чем при жизни, но весьма удобной. Я видел сверху и изнутри одновременно. По всему было понятно, что хоронят шишку. Лакированный гроб красного дерева обрамляли литые бронзовые завитушки, по обе стороны стояли дорогие венки. Цветами, верни их к жизни, можно было покрыть кукурузное поле времен Хрущева. В гробу лежал я, густо обработанный гримером, с румяными щеками и алыми губами, коими никогда не обладал при жизни. Возле толпилась сотня людей, мои взрослые дети, мои коллеги и кто-то, чьи имена я даже не вспомню — последний раз

видел эти лица пару десятилетий назад. Рядом с гробом стоял Илюша, измученный, простуженный, с синими кругами под глазами, с трудом переживающий весь этот маскарад.

— Ваш брат очень грузный, уже начал портиться, поэтому был необходим густой грим, — объяснили ему в кассе крематория, когда он пытался осознать выставленную сумму.

«Лучше я засохну перед смертью, чем буду лежать таким Арлекино», — думал Илюша, глядя на меня усопшего.

— Уверяю тебя, абсолютно пофиг, никакого чувства неловкости или стыда, — ответил я, — так что не изводи себя очередной ерундой.

Он испуганно вздрогнул, пошатнулся, словно оступился на канате, оглянулся по сторонам. Моя жена, державшая его за руку, вопросительно подняла брови.

— Я с-схожу с ума, — простонал он. — Я слышу Р-родькин г-голос.

— Ты просто смертельно устал, — прошептала она и крепче сжала Илюшину кисть.

Свободной ладонью Илья нервно теребил в кармане два моих перстня. Я носил их с юности, массивные золотые печатки, которые ритуальные парни зачем-то срезали с пальцев и передали брату. Кольца тяготили Илюшу, он раздражался, понимая, что совесть никогда не позволит сдать их на лом, а хранить как память о моих ударах кулаком в его носовой хрящ было не слишком приятно. Положить в гроб вместе со мной он тоже боялся, наслышанный баек о проворности работников крематория. Церемониймейстер закончила

свой творческий утренник и передала слово священнику. Пока тот пел, она подошла к Илюше, взяла под локоток и отвела в сторону:

— Свечи не входят в общий прайс. Нужно дополнительно оплатить тридцать тысяч, — шепнула она ему на ушко.

— Вы оп-полоумели? — взвился Илюша. — За свечи т-тридцатку?

— Ну да, сто человек, триста рублей свеча, — отчеканила она, покачивая розой на шляпке.

— Да охренели, — сказал я, — они их оптом по пятьдесят копеек берут. Торгуйся, максимум пять косарей.

Илюшу вновь бросило в пот. Глаз его задержался, он оглянулся, сделал нервное движение верхней губой и попытался сглотнуть слюну. Рот высох. Я понял, что он не готов к такому общению со мной, и решил больше не пугать брата.

— Пять т-тысяч — край, — прохрипел он цепкой даме пересохшими связками.

— Ну хорошо, только для вас, — она придвинулась к нему бедром и оттопырила большой атласный карман на гипюровой накидке.

Он порылся в бумажнике и опустил туда пятерку. Артистка прижалась еще теснее и красным влажным ртом коснулась его уха:

— Мы могли бы пообщаться и в менее печальной обстановке...

Илюша закатил глаза. Это была тяжелая участь. Женщины желали его тела даже на похоронах.

Наконец под токкату Баха мой гроб закрыли и начали опускать в адovu бездну. Скорбящие выдохнули и встали в очередь на выход.

Актриса вновь притерлась к Илюшиному боку и прошептала:

— Урну забирать через неделю.

— К-как через н-неделю? — ужаснулся Илюша. — Г-говорили же, хоть з-завтра! Я оп-платил услуги класса п-премиум!

— Так очередь как раз из тех, кто выбрал премиум-класс. Остальные ждут еще дольше, — невозмутимо ответила она. — Придется полежать четыре-пять дней в холодильнике. Или двадцать пять тысяч.

Тут уже я взорвался и, забыв о своем обещании, заорал:

— Илюха, стоп! Меня вообще не парит полежать в холодильнике! Прекрати сорить деньгами!

— Да Р-родька, отвали! Ты м-можешь хоть после смерти не к-командовать, — огрызнулся брат и тут же закрыл себе рот руками, ловя испуганные взгляды родственников со всех сторон.

— Да, утрата творит с людьми еще и не такое. Уж я-то знаю, — скорбно произнесла церемоний-мейстер.

Илюша вновь достал бумажник и положил в бездонный карман ритуальной затейницы пять красных купюр. У нее тут же, словно из воздуха, всплыла в руках рация, и красный рот отчеканил: «Сейчас же в печь!»

Я застонал. Илюша обхватил виски, пытаясь остановить жгучую головную боль, и прибавил шаг. Гроб мой с помощью дорогого механизма как по маслу спустился на нижний этаж. Двое симпатичных мускулистых парней перетащили его на каталку, и один из них, помоложе, пока-

тил по длинным тусклым коридорам, временами разгоняясь и вскакивая ногами на поперечную перекладину, как я в детстве — на заднюю сцепку трамвая. В каком-то промежуточном загоне с гроба сорвали все бронзовые завитушки, до блеска натерли их тряпочками и сложили в отдельный пакет. «Продадут следующему клиенту», — беззлобно подумал я. Крышку крепко завинтили шурупами в специальных углублениях, и запертое тело мое подъехало к новенькой чехословацкой печи с радостным окошком сбоку. С противня согбенная женщина сметала остатки чужого пепла в ведро с огнеупорной номерной табличкой. Мне стало интересно. В мире оставалось еще столько мест, где я, оказывается, ни разу не был. Моя жизнь последние годы распределялась между клиникой (ординаторской, операционной), квартирой на Ордынке, подмосковной дачей и островными курортами типа Мальдив или Бали. Ни там, ни там не было ничего подобного. Гроб мой поставили на рельсы, заслонка гостеприимно открылась снизу вверх, и я въехал внутрь длинного металлического бокса, весьма тесного и неудобного. Хорошо, что Илюша не видит, подумалось мне, иначе он отвалил бы еще с десяток купюр за расширение площади и дополнительные удобства. Пока я рассматривал печь изнутри, в камеру подали газ, он вспыхнул, и пламя агрессивно, с двух сторон, начало пожирать мою обитель из красного дерева. Я почувствовал какую-то тянущую маету, и хотя за полтора часа церемонии уже осознал, что никак не связан с телом, но странным образом — не болью, не тактильными ощущениями,

а какой-то особой вибрацией — ощущал, что оно преобразовывается в нечто для меня непривычное и да, не очень приятное. Массивный гроб треснул и распался, а мое тело со стороны начало вести себя как живое, поднимаясь, извиваясь, корчась, изрыгая собственные же внутренности. Оно напрягалось как могло, кряхтело и тужилось из последних сил, будто желало выпрыгнуть из тесного ящика, но потом в секунду сдалось и осело, как молочная пенка в кастрюле, с которой сняли крышку, расслабилось и поддалось огню, смирившись со своей участью. Признаться, я так переживал за него в этот момент, что не заметил, как очутился в какой-то громадной огненной трубе, плотно набитой такими же бестелесными созданиями, как и я сам. Они не обращали на меня никакого внимания и не вызывали никакого раздражения. Любопытно, что, меняя угол зрения, можно было увидеть их прежние земные облики, застывшие каждый в своем предсмертном возрасте и одежде. Мое размышление о том, как же видят со стороны меня, прервал резкий визгливый голос:

— Старшуля! Ты и здесь первый! Поди обними свою бабуся!

Я остолбенел. Настолько, насколько может столбенеть не имеющая плотности и формы субстанция. Ко мне по огненному коридору, распахивая всех локтями, ковыляла старуха в рванье. Глаза ее светились безумием, рот был перекошен, она демонически смеялась и брызгала слюной.

— Отче наш, иже еси на небесех, — пролепетал я трусливо и подался назад.

Прорываясь сквозь запутанную, как клубок проводных наушников, память, я старался понять, из какого ее сплетения взялся этот жуткий, но знакомый образ. Санитарка в моей клинике? Нищая в подземном переходе под Тверской? Пациентка, которую я оперировал? Кто это?

— Поди обними Эпоху! Эпоха заждалась тебя, Старшуля! — Бабка приблизилась ко мне, щерясь и показывая расколотые зубы.

Эпоха! Бог ты мой! Сумасшедшая бабка Эпоха из нашего с Илюшкой детства. Почему она? Что за сюрприз, что за посмертный подарок, Господи? Театральному мэтру — обиженная абитуриентка, а мне — ...Ну и шуточки у тебя, Всевышний... Я попытался исчезнуть, но исчезать было некуда и нечему.

— Айда, Эпоха выведет тебя отсюда. — Она протянула руку с узловатыми пальцами и слоистыми ногтями.

Я сморгнул, как будто при жизни рассматривал стереокартинки: пойманный в фокусе объемный корабль или динозавр вновь превращался в плоское изображение повторяющихся мелких деталей. Примерно так же образ старухи расплылся в прозрачное пятно, гораздо более плотное, чем другие обитатели коридора. Оно достигло моих границ, вытянуло амебную лапу и увлекло меня за собой.

ГЛАВА 2

БРАТЬЯ

Илюша был на кухне, прикрывая опухшую губу грязными ладонями. Мама, Софья Михайловна, пыталась оторвать его руки, но он вопил еще громче, мотая головой и заливаясь слезами.

— Лети к автомату, вызывай скорую, что стоишь, Родион! — кричала она старшему сыну, пока младший наполнял дом звуками противопожарной сигнализации.

— Так, стоп, Соня, все замолчали, и немедленно! — В комнату ворвался отец с фонариком в руке. — Прекрати выть и открой рот! — скомандовал он Илюше.

Тот убрал руки и разверз кровавую дыру, в которой сложно было что-то разобрать даже под лучом фонаря.

— Подай шприц и физраствор! — приказал Лев Леонидович жене, и она кинулась к фанерной аптечке, приколоченной к стене.

Пока отец намыливал руки, мама набирала прозрачную жидкость в огромный стеклянный шприц без иглы. Родион подошел поближе и с интересом заглянул в рот орущему брату. Папа оттолкнул его локтем, вставил два пальца Илюше за щеку, раздвинул их рогаткой и направленной струей стал смывать кровь сначала с нижней, а по-

том и с верхней десны. Постепенно картина начала проясняться. На фоне белого, как фаянс, верхнего ряда, прямо по центру зияла пробоина с острым осколком выбитого зуба. Отец осторожно потянул за него, Илюша застучал ногами по полу.

— В травматологию. На снимок. Нужно проверить, нет ли трещины в челюсти! — заключил папа.

В больницу они поехали вчетвером. Родиона не звали, но тот увязался, аргументируя тем, что будет подбадривать младшего брата. В трамвае он улучил момент и шепнул на ухо Илюше:

— Теперь тебе удобно будет плевать, как беззубым экам на стройке!

Илюша содрогнулся и с ненавистью пробубнил:

— П-первым, на кого я х-харкну, будешь ты, к-козлина.

В белом унылом коридоре травматологии они прождали около часа. Еще час Илюшу гоняли по кабинетам на рентген и обратно. Наконец к родителям вышел врач и сказал, что ребенка отправляют в лицевую хирургию. На верхнюю челюсть нужно ставить скобу и ждать, пока заживет, прежде чем протезировать зуб.

— Ну как ты не уберег брата, — укоряла Родиона мама, пока они тряслись в карете скорой помощи.

— У-уберег? — пробубнил Илюша с набитым ватными тампонами ртом. — Д-да это он п-подставил мне п-подножку на ступеньке п-подъезда.

— Смеешься? Ты просто бегать не умеешь! Говорил тебе, не лезь в игру со старшими. Не дорос еще, — усмехнулся Родион.

— Не ссорьтесь, мальчики. Вы — Гринвичи — одной крови и должны держаться друг за друга, — эти слова отец повторял каждый день, и братья содрогались от них, как командир тонущей подлодки от фразы «Все будет хорошо».

После двух месяцев больницы Илюшин рот еще долго походил на брошенный в лесу дзот с амбразурой, из которой ржавым пулеметным стволом торчала какая-то железка. Железку стоматологи периодически вращали, исправляя неправильное срастание челюсти. Илюша орал от боли, ему казалось, что этим адским рычагом раздвигают по швам череп вместе с его содержимым. Лев Леонидович возил его по разным врачам, дважды ездили даже в столицу к светилам, но они пожимали плечами. Плевая, казалось бы, потеря зуба с расщеплением челюсти давала неведомые медицине осложнения.

— Да у него вечно так, — ухмылялся Родион в компании друзей, — занозит пальчик на ноге, и тут же гангрена до уха.

Пацаны смеялись, Илюшу трясло от обиды и ненависти. Он до преклонных лет жил с этой болью, постоянно меняя импланты — от топорных советских в детстве до американских титановых в зрелости, но все они не приживались, разрыхляя кость и причиняя невероятные страдания. Каждый раз, закрывая рот, он делал захватывающее движение верхней губой, подобно золотой рыбке в аквариуме. Нервный импульс, мгновенно отдающий в бровь, воскрешал одну и ту же картинку: девять лет, прятки, темный подъезд, он бежит со второго этажа ко входной двери, еле сдерживая